

Несколько месяцев назад Чжао Фу приказал Тан Шэню отвести Су Вэньюня в Академию Ханьлинь для поиска книг именно ради расследования этого дела о казнокрадстве.

Да, снежное бедствие тех лет было не просто стихийным бедствием, но и рукотворной катастрофой. Тогда погибли не только почти сотня ремесленников, но и десятки тысяч простых людей!

Су Вэньюн тайком расследовал это дело, наткнулся на кое-какие улики и скрытно схватил нескольких местных чиновников. Он замаял это и не стал докладывать двору, благодаря чему главный кукловод так ничего и не заметил. В ходе допросов с пристрастием он выпытал у корыстолюбивых чиновников правду и наконец, идя по нити, выяснил: сановник, причастный к растрате средств, выделенных на ликвидацию снежного бедствия, непременно занимает высокий пост в Приказе общественных работ — и чин его не ниже третьего ранга.

В Приказе общественных работ было всего трое чиновников третьего ранга и выше: Юань Му, левый заместитель Ли Юйдэ и правый заместитель Сэ Чэн.

Чжао Фу отправил своих доверенных лиц — Ван Чжэня, Су Вэньюня и Сун Сюня — на север именно для того, чтобы выяснить, кто из этих троих настоящий кукловод. Обрушение Моста через реку Цзинхэ оказалось лишь случайным совпадением, однако чиновничья удача Су Вэньюня была просто поразительной. Этот арест не просто позволил схватить Сэ Чэна, но и многократно приумножил его заслуги.

Одна победа генерала строится на мириадах истлевших костей: почти сотня душ, погибших в ледяной воде реки Цзинхэ, вымостили для Су Вэньюня лестницу из трупов, по которой он стремительно взбирался к вершинам власти!

Во Дворце Цычэнь Чжао Фу в гневе бранил Сэ Чэна и сурово выговаривал чиновникам. Поскольку Сэ Чэн уже сидел в темнице и ругать его лично было невозможно, больше всего гнева досталось Юань Му.

Юань Му с глухим стуком упал на колени перед Чжао Фу и покаялся:

— Ваше Величество, я не проявил должной строгости к подчиненным, моя вина непростительна! Умоляю Его Величество лишить меня должности и карать по всей строгости. У меня нет лица, чтобы смотреть на Его Величество и простой народ!

Во Дворце Цычэнь мгновенно разыгралась сцена покаяния добродетельного слуги.

Сначала Чжао Фу холодно высказал Юань Му несколько упреков, но Юань Му залился горькими слезами и зарыдал в голос. Он скорбел о беженцах, погибших три года назад от снежного бедствия на юге, и о людях, сгинувших нынче в водах реки Цзинхэ, кляня себя за неспособность разглядеть подлецов.

После этого Чжао Фу произнес:

— Ладно, ладно. В этом деле нельзя винить одного тебя, чиновник Юань.

Юань Му со слезами на глазах воскликнул:

— Ваше Величество!

— Наказываю тебя лишением жалования на шесть месяцев. Отправляйся в Ючжоу и не

возвращайся в Приказ общественных работ, пока не приведешь в порядок казенный тракт!

— Покорно принимаю наказание!

Какая великолепная драма Мудрого Государя и Преданного Слуги! Юань Му поднялся с колен и вернулся в ряды сановников.

После наказаний последовали награды. Главный евнух Цзи Фу сделал шаг вперед и зачитал высочайший указ:

— Указ Императора: Заместитель главы Судебного приказа Су Вэньюнь проявил проницательность, распознал достойных, проявил непревзойденную храбрость и разум. Настоящим даруется повышение: назначить его правым заместителем главы Приказа общественных работ с сохранением должности заместителя главы Судебного приказа, указ вступает в силу немедленно.

Су Вэньюнь вышел из строя чиновников Судебного приказа и громко произнес:

— Благодарю Его Величество за великую милость.

Цзи Фу продолжил:

— Указ Императора: Министр финансов Ван Чжэнь предан, благороден, обладает редким талантом и выдающейся проницательностью. Настоящим пожаловать ему пятьдесят лянов белого золота и тридцать парчей.

Ван Чжэнь откликнулся:

— Благодарю Его Величество за великую милость.

— Указ Императора...

Одарив каждого члена инспекционной миссии, отправленной в Цычжоу для расследования, Чжао Фу объявил об окончании аудиенции, и сановники стали расходиться.

Тан Шэнь сегодня нес службу во дворце в качестве историографа, ответственного за ведение записей о деяниях императора. Когда Чжао Фу направился во Дворец Чуйгун, Тан Шэнь последовал за ним. Всю дорогу он вместе с двумя другими историографами держался на некотором отдалении от Чжао Фу, опустив голову и сохраняя молчание. Тан Шэнь не стал спрашивать, почему из всех чиновников, ездивших в Цычжоу, он оказался единственным, кто не получил награды.

Оказавшись во Дворце Чуйгун, Чжао Фу перебрал стопку докладов на столе и шутливо заметил:

— Цзи Фу, погляди на эти доклады: у Меня изо дня в день от них голова идет кругом. Я постарел, глаза не те, Мне уже не под силу разбирать столько бумаг.

Цзи Фу тут же с улыбкой ответил:

— Благословение Его Величества безгранично, а лета равны вечности! Вы никогда не постареете.

Чжао Фу со смехом пожурил его:

— Твой язык способен молоть только эдакую чушь! — Затем он посмотрел на историографов, сидевших по обе стороны, и обратился к Тан Шэню: — Цзинцзэ, а ты как думаешь?

Тан Шэнь немедленно поднялся и поклонился:

— Ваше Величество неустанно трудится день и ночь на благо государства, народ живет в мире и процветании, а сила и величие Вашего Величества неоспоримы. О каком же старении может идти речь?

Чжао Фу усмехнулся, перелистал один из докладов и отложил его в сторону.

— Цзинцзэ тоже научился говорить, как евнух.

Цзи Фу уловил добродушный настрой Чжао Фу и, зная кое-какие подробности, сдвинул брови и наигранно-тихо пробормотал:

— Ваше Величество пренебрегает ничтожным слугой...

Чжао Фу расхохотался:

— Смотрите-ка, расстроился!

Цзи Фу изобразил глубокую обиду, словно боялся вымолвить лишнее слово.

Отсмеявшись, Чжао Фу взглянул на Тан Шэня и наставительно произнес:

— Цзинцзэ, ты не в обиде на Меня за то, что сегодня Я наградил всех подданных, но обошел тебя?

Тан Шэнь ответил:

— Слуга Вашего Величества не смеет так думать. Делить с Вашим Величеством заботы и печали — великая честь для меня.

— Но и обижать тебя нельзя. — С этими словами Чжао Фу подал знак Цзи Фу. Евнух тут же выступил вперед и зачитал высочайший указ: — Указ Императора: Историограф Тан Шэнь обладает быстрым умом, красноречием и глубокими познаниями, чем заслужил искреннюю благосклонность Императора. Настоящим даруется повышение: назначить его чиновником Чжуншу шэжэнь четвертого ранга, указ вступает в силу немедленно.

Хотя Тан Шэнь и предвидел подобное, услышав указ наяву, он все равно был ошеломлен. В его душе смешались тысячи чувств; в памяти всплыли все события прошедшего года. В конце концов он поднял голову и посмотрел на Чжао Фу с выражением растерянности и нескрываемого восторга. Голос Тан Шэня перехватило:

— Ваше Величество...

Чжао Фу улыбнулся:

— Цзинцзэ, почему же ты не принимаешь указ? Или тебе не по душе эта награда?

Тан Шэнь мгновенно склонился в поклоне:

— Слуга благодарно принимает великую милость Его Величества!

Приняв указ, Тан Шэнь вернулся на место историографа. Чжао Фу обратился к нему:

— В том, что Я отправляю тебя во Дворец Циньчжэн, есть и Мой личный расчет. Погляди на эти доклады от местных чиновников: то пишут «Мушмула в Линнани созрела, тоскую по Вашему Величеству»... Зачем докладывать Мне о такой чепухе?! А вот еще один: пышные фразеологизмы, красочные обороты — у Меня аж в глазах рябит, а в итоге все это лишь ради того, чтобы пожелать Мне здоровья к дню рождения через два месяца! Когда ты отправишься во Дворец Циньчжэн и будешь разбирать доклады для Меня, ты наверняка сможешь понять Мои намерения и излагать мне суть докладов кратко и четко.

Раз уж Чжао Фу высказался подобным образом, Тан Шэнь не мог продолжать сидеть. Он снова поднялся:

— Я оправдаю доверие Его Величества.

Чжао Фу посмотрел на Тан Шэня и вдруг произнес:

— Мне так жаль расставаться с Цзинцзэ!

Как только прозвучали эти слова, и Цзи Фу, и двое других историографов во Дворце Чуйгун с завистью посмотрели на Тан Шэня.

В этих словах Чжао Фу половина была искренней, а половина — притворной. С одной стороны, Тан Шэнь являлся одним из редких деятельных чиновников среди молодого поколения и за год службы рядом с государем научился угадывать его мысли. Кроме того, Тан Шэнь был младшим учеником Ван Чжэня, доверенного лица Чжао Фу, благодаря чему тоже привлекал благосклонное внимание правителя. Поэтому эту фразу он произнес с глубоким чувством.

С другой стороны, именно потому, что Тан Шэнь был столь выдающимся среди молодых чиновников, императору требовалось завоевать его преданность, чтобы тот беззаветно служил ему.

И действительно, растроганный Тан Шэнь с содроганием в голосе воскликнул:

— Я готов приложить все свои силы и служить Вашему Величеству до последнего вздоха!

Чжао Фу удовлетворенно улыбнулся.

К вечеру император отправился на Террасу Восхождения к Бессмертным для совершенствования. Полчаса спустя правый заместитель главы Приказа общественных работ и заместитель главы Судебного приказа Су Вэньюнь прибыл во дворец на аудиенцию к государю.

Тан Шэнь и Су Вэньюнь встретились перед дверями зала на Террасе Восхождения к Бессмертным. Евнух пошел внутрь доложить о приходе Су Вэньюня, а тот остался у дверей, обменявшись с Тан Шэнем пристальным взглядом.

Су Вэньюнь улыбнулся:

— Слышал, сегодня утром господин Тан поднялся до должности Чжуншу шэжэнь четвертого ранга. Примите мои поздравления.

Тан Шэнь поклонился:

— Благодарю вас, Су Вэньюнь. Я также поздравляю вас с назначением на должность правого

заместителя главы Приказа общественных работ третьего ранга.

Су Вэньюнь устремил на Тан Шэня свой яркий взгляд и после долгой паузы произнес:

— Вернувшись из Цычжоу, я все думал об одном. Господин Тан, если бы той ночью на постоялом дворе кто-то действительно выломал дверь и забил нас насмерть... Как думаете, кто бы сейчас вез наши трупы в столицу, чтобы присвоить себе все заслуги?

Тан Шэнь ответил:

— К чему беспокоиться о том, чего не случилось, Су Вэньюнь?

Су Вэньюнь пристально разглядывал Тан Шэня еще некоторое время, после чего произнес:

— Завтра господин Тан уже отправляется на службу во Дворец Циньчжэн. Я буду ждать вас там.

Вскоре Су Вэньюнь вошел на Террасу Восхождения к Бессмертным.

На Террасе Восхождения к Бессмертным Глава Астрономического приказа Ли Сяорэнь держал нефритовый пиала и, сбрызгивая водой с помощью бамбукового листа, наносил капли на Чжао Фу. Император Великой Сун Чжао Фу, облаченный в даосское одеяние, восседал в самом центре диаграммы Великого Предела и Восьми Триграмм, погружившись в созерцание.

Прибыв, Су Вэньюнь не произнес ни слова и остался ждать в стороне.

Спустя четверть часа Чжао Фу открыл глаза и сказал:

— Можешь идти.

Ли Сяорэнь сперва не сразу опомнился, но через пару секунд осознал волю Чжао Фу и немедленно удалился с Террасы Восхождения к Бессмертным.

<http://bllate.org/book/18292/1754553>